

**ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

**Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас**

Samuel Moyn

THE LAST UTOPIA

Human Rights in History

THE BELKNAP PRESS OF HARVARD UNIVERSITY PRESS
CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS, AND LONDON, ENGLAND

2010

Сэмюэл Мойн

ПОСЛЕДНЯЯ УТОПИЯ

Права человека в истории

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА • 2024

УДК 341.231.14
ББК 67.400.32
М74

Редактор серии
А. Куманьков

Мойн, С.

М74 Последняя утопия: Права человека в истории / Сэмюэл Мойн; пер. с англ. А. Захарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 432 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2128-2

ISSN 1815-7912

В наши дни права человека позволяют говорить о международной справедливости на языке, понятном миллионам. Однако сама концепция, на которой основано правозащитное движение, стала известной всего несколько десятилетий назад, коренным образом изменив наши представления о способах и методах улучшения судьбы человечества. Книга Сэмюэла Мойна — это попытка изучить революцию в области прав человека и разобраться в ее причинах и последствиях. Автор показывает, как концепция прав человека после 1968 года стала одновременно прибежищем последней политической утопии и механизмом ее реализации, придя на смену мечтаниям о революционном коммунизме и национализме. Следует ли относиться к этой идее как к наследию, которое необходимо беречь, или права человека — это изобретение, которое нужно изучать и неустанно обновлять? Сэмюэл Мойн — профессор юриспруденции Йельской школы права и профессор истории Йельского университета (США), специалист по европейской интеллектуальной истории.

УДК 341.231.14
ББК 67.400.32

В оформлении обложки использованы фотографии Карла Блоссфельда из серии Plantstudie. 1928 г. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

Copyright © 2010 by the President and Fellows of Harvard College
Published by arrangement with Harvard University Press.

© А. Захаров, перевод с английского, 2024
© И. Дик, дизайн обложки, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Глава 1. Человечество до появления прав человека	20
Глава 2. Смерть при рождении	75
Глава 3. Почему антиколониализм не был движением за права человека	144
Глава 4. «Чистота этой борьбы»	204
Глава 5. Международное право и права человека	299
Эпилог. Бремя морали	360
Приложения	386
Права человека в англо-американской прессе на фоне прорыва 1977 года	386
Права человека в 1940-х годах	386
Права человека между 1968 и 1978 годами	389
Библиографический очерк	394
Благодарности	410
Указатель	415

ПРОЛОГ

Когда люди слышат фразу «права человека», в их воображении возникают ассоциации с вековыми моральными заповедями и высокими политическими идеалами. И это вполне объяснимо. Ведь они держат в уме привычный для них набор непоколебимых либеральных свобод, а иногда еще и более широкий свод принципов социальной защиты. Но, помимо этого, они думают и о чем-то большем. Упомянутая фраза подразумевает изменение мира к лучшему, создание нового порядка, в котором достоинство каждого индивида будет под надежной международной защитой. Это очевидно утопическая программа: из-за политических стандартов, которые она отстаивает, и эмоционального подъема, который она вызывает, ее связывают с образом мира, пока еще не существующего. Эта программа обещает покончить с нерушимостью государственных границ, постепенно заместив постулаты суверенной государственности авторитетом международного права. Она с гордостью предлагает угнетенным всей планеты перспективу лучшей жизни. Она может воплощаться — где, разумеется, подобное возможно, — во взаимодействии с государственными властями, переключаясь на безапелляционное обличение упомянутых властей, когда те начинают попираť элементарные правовые нормы. Права человека, трактуемые в описываемом ключе, сегодня определяют самые возвышенные устремления как общественных движений, так и политических структур — государственных и межгосударственных. Они вселяют надежду и побуждают к действию.

Поразительно то, насколько быстро эта программа получила широчайшее распространение. На протяжении 1970-х годов моральные установки жителей Запада изменились, открыв

простор для такого утопизма, которому удалось породить международное движение в поддержку прав человека, никогда ранее не существовавшее. О незыблемых правах человека было заявлено еще в эпоху Просвещения, но практические результаты тех давних деклараций оказались настолько самобытными — вплоть до совершения и оправдания кровавой революции, — что из них вырисовывалась совсем другая концепция. В 1948 году, после Второй мировой войны, была принята Всеобщая декларация прав человека. Она, однако, стала не столько возвещением новой эры, сколько траурным венком, возложенным на могилу угасших надежд военного времени. Мир, на мгновение открывший глаза, вскоре вновь взялся за старое, отвернувшись от своей послевоенной повестки, которая начала было складываться на фоне появления на свет Организации Объединенных Наций — главного спонсора Всеобщей декларации. Для США, СССР и Европейского континента, который две державы-победительницы делили между собой, на первый план вышло соперничество двух главных идеологий холодной войны. Борьба за деколонизацию империй сделала холодную войну глобальной, невзирая на попытки некоторых новых государств уклониться от противоборства сверхдержав и проложить собственный политический курс. Соединенные Штаты, которые в период Второй мировой войны раздували всеобщие надежды на становление в послевоенные годы нового порядка и даже ввели в ограниченный оборот идею «прав человека», вскоре отказались от этого словосочетания. Что же касается их конкурентов в лице Советского Союза и антиколониальных движений, то для них дорога в будущее связывалась в первую очередь с коллективистскими идеалами эмансипации — коммунизмом и национализмом, — а не с правами личности и их закреплением в международном праве.

Даже в 1968 году, который ООН провозгласила «Международным годом прав человека», обсуждаемые здесь права

оставались не более чем периферийным принципом, который на практике почти никем не отстаивался. Конференцию, отмечавшую двадцатую годовщину Всеобщей декларации, которая задумывалась, чтобы напомнить о забытых принципах и попытаться оживить их, ООН решила провести в Тегеране. Это было необыкновенное зрелище. Иранский диктатор, шах Мохаммед Реза Пехлеви, дал старт весеннему форуму, восславив древних персов за открытие прав человека: традиции, заложенные великим персидским царем Киrom более тысячи лет назад, теперь, по его словам, нашли воплощение в моральном совершенстве его собственной династии. На последовавшем за этим обсуждении, проходившем под председательством монаршей сестры, принцессы Ашраф, на первый план была выдвинута интерпретация прав человека, которая ныне кажется довольно необычной: триумфальным итогом и конечным пунктом долгой эволюции этой идеи объявлялось освобождение народов, прежде томившихся под колониальным гнетом. Не последним адресатом этой риторики был Израиль, которому в ходе дискуссий уделялось повышенное внимание — в основном из-за территориальных приобретений, сделанных им после недавней Шестидневной войны против арабских соседей. Тем не менее в 1968 году за пределами самой ООН права человека еще не оформились в качестве могучего идеала, и этот факт гораздо важнее, нежели все происходившее на постановочном мероприятии иранского властителя¹. Пока конференция шла по намеченному сценарию, реальный мир сотрясало самое настоящее восстание. Май 1968 года вверх Париж в величайшую смуту послевоенного времени: студенты и рабочие парализовали всю страну, требуя покончить с оппортунистической

¹ О ходе форума см.: UN Doc. A/Conf.32/SR.1–13, 1968. См. также: *Burke R. From Individual Rights to National Development: The First UN International Conference on Human Rights, Tehran, 1968 // Journal of World History. 2008. Vol. 19. № 3. P. 275–296.*

политикой среднего класса. В противоположных уголках земного шара, от Восточной Европы до Китая, и по всей территории Соединенных Штатов, от Беркли до Нью-Йорка, люди — в особенности молодежь — громко требовали перемен. Но при этом за пределами Тегерана ни один участник глобального кризиса 1968 года даже не пытался представлять себе лучший мир как такое место, где торжествуют «права человека».

Таким образом, драма прав человека заключается в том, что в 1970-х годах они возникли словно ниоткуда. Советский Союз по большей части лишился своей привлекательности, а вьетнамская авантюра Америки вызвала колоссальное и повсеместное возмущение, но это вовсе не означало, что права человека выходят на первый план. На фоне кризиса, переживаемого системой сверхдержав в 1960-х годах, процветали совсем другие утопические концепции. Их апологеты призывали к возрождению общинного духа, избавлению США от пустого потребительства, утверждению в советской империи «социализма с человеческим лицом» или же сокрушению в третьем мире так называемого неокOLONIALИЗМА. В тот период о неправительственных организациях (НПО), посвятивших себя правам человека, почти никто и не слышал, а недавно появившаяся на свет «Международная амнистия» (Amnesty International) еще пребывала в полном забвении. Те немногие неправительственные структуры, которые с 1940-х годов и до 1968-го считали борьбу за права человека частью своей миссии, с немалыми сложностями работали «под зонтиком» ООН, но конференция в Тегеране убедительно доказала очевидную бесплодность их начинаний. Мозес Москович, долгое время руководивший одной из таких НПО, после завершения иранского форума с горечью заметил, что идее прав человека «еще только предстоит подстегнуть любопытство интеллектуалов, пробудить воображение

социальных и политических реформаторов и вызвать эмоциональный отклик моралистов»¹. И он был прав.

Тем не менее пройдет всего десятилетие, и о правах человека начнут говорить по всему развитому миру, причем делать это будет гораздо большее количество людей, чем когда-либо прежде. В настоящее время, когда речь заходит о правах человека, чаще всего имеется в виду защита индивида от государства, а не освобождение колоний или формирование новых эмансипированных наций. «Международная амнистия» обрела широкую известность и, в качестве светоча новых идеалов, в 1977 году получила за свою работу Нобелевскую премию мира. Продвижение и отстаивание ею новых методов правозащиты навсегда изменили представления о том, что значит добиваться гуманитарных целей, породив новый бренд и открыв эпоху интернациональной гражданской адвокации. Жители Запада оставили мечты о революции — как для себя, так и для третьего мира, которым они когда-то правили, — и обратились к другой тактике, рассматривая нормы международного права, гарантирующие соблюдение прав человека, в качестве хранителя утопических устремлений и одновременно механизма их реализации. Даже политические деятели, прежде всего американский президент Джимми Картер, начали ссылаться на права человека как на руководящий принцип внешней политики государств. Наиболее показательным стало то, насколько возрос общественный интерес к рассматриваемой здесь проблематике. Его с легкостью можно измерить, обратившись к упоминаниям фразы «права человека» на газетных страницах. Если до 1940-х годов англоязычная пресса такое словосочетание практически не использовала, а само это десятилетие было отмечено лишь незначительным оживлением, то в 1977 году оно появлялось

¹ *Moskowitz M. The Meaning of International Concern with Human Rights // René Cassin: Amicorum Discipulorumque Liber (4 vols). Paris: A. Pedone, 1969. Vol. 1. P. 194.*

в *The New York Times* в пять раз чаще, чем в любом другом году с самого начала издания этой газеты. Моральные основы мира стали иными. «Обычно историю представляют себе очень долгим процессом, — говорит Филип Рот в одном из своих романов, — а ведь история творится в одночасье»¹. Этой мысли трудно найти более убедительное подтверждение, нежели история прав человека.

Невозможно правильно оценить недавнее появление и нынешнее могущество прав человека, не сосредоточившись на их утопическом измерении: на образе иного, лучшего мира, где торжествуют достоинство и уважение, лежащие в основе притягательности этой идеи — даже если само утверждение соответствующего проекта кажется слишком медленной и затянутой реформой. Будучи далеко не единственной разновидностью идеализма, поддерживавшего убежденность и активность людей на протяжении веков, права человека исторически возникли как последняя утопия. Этой утопии удалось стать столь могущественной и столь заметной из-за того, что прочие утопические проекты исчерпали себя и сошли со сцены. Идея прав человека стала ничем иным, как специфически современным воплощением древней приверженности Платона и авторов Второзакония, а также царя Кира, делу справедливости. Даже среди современных схем достижения свободы и равенства программа прав человека остается лишь одной из многих, а в выражении глобальных устремлений человечества она тоже далеко не первая. Не претендуют права человека и на то, чтобы стать единственным мыслимым лозунгом, вокруг которого можно выстроить массовое социальное движение. Накануне триумфального восхождения этой идеи Москович прекрасно понимал, что правам человека прежде всего придется выиграть — или проиграть — в сфере воображения. Но чтобы они преуспели, прочие проекты должны

¹ *Roth P. American Pastoral. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. P. 87.* Пер. В. Кобец, Н. Кулаковой. — *Примеч. пер.*

были потерпеть поражение. В мире и мышления, и социального действия идею прав человека лучше всего трактовать как последнюю из выживших великих идей: это кумир, который не был посрамлен, когда все прочие кумиры в лице политических идеологий бесславно пали. Если программа прав человека и сумела устоять, то прежде всего благодаря тому, что в ней повсеместно видели моральную альтернативу обанкротившимся политическим утопиям.

Американские историки начали писать историю прав человека десять лет назад. С тех пор выкристаллизовалась и расцвела новая исследовательская область. Почти единодушно представители нынешней исторической науки разделяют парадно-пафосный взгляд на возникновение и утверждение идеи прав человека, подкрепляя свой энтузиазм духоподъемными предысториями. Расходятся же они в основном в том, с кого лучше начинать отсчет светлой эпохи: с греков или иудеев, средневековых христиан или философов Нового времени, революционеров-демократов или героев-аболиционистов, американских интернационалистов или провидчески мысливших противников расизма. Используя всемирную историю в качестве одобрения, обеспечившего постепенное восшествие прав человека, они в основном закрывают глаза на то, что прошлое отнюдь не предписало нам единственный способ мышления и действия, оставив открытыми различные пути в будущее. Приступив к изучению прав человека относительно недавно, историки отказываются видеть в них лишь одну привлекательную идеологию из числа многих. Они используют историю для того, чтобы доказать неизбежность бурного подъема нового благородного кредо, не желая рассматривать развилки и случайности, сопутствовавшие его триумфальному утверждению. Но для прояснения истинных истоков этой самой новой из всех утопических программ нам потребуется совершенно другой подход.

Вопреки новизне изучаемой тематики специалисты, занимающиеся правами человека в историческом разрезе, подходят к ним примерно так же, как некогда церковные историки подступались к своему сакральному предмету. В их интерпретации базовые принципы прав предстают не итогом длительной эволюции, а внезапно обретенной спасительной истиной; аналогичным образом церковный хронист воспринимает христианскую религию. Если то или иное историческое явление можно истолковать как провозвестие прав человека, то его предлагается считать отправным пунктом, прямым к ним и ведущим, — подобно этому церковная история долгое время воспринимала иудаизм как протохристианское движение, не сумевшее разобраться в своем истинном предназначении. Соответственно, к героям, почитаемым в качестве пионеров идеи прав человека, — во многом, кстати, они уподобляются апостолам и святым, почитаемым церковными историками, — относятся, как правило, с некритическим восхищением. Агиография, стимулирующая нравственное подражание тем, кто бесстрашно шагает в пламя¹, становится тем самым главным жанром. Наконец, организации, которые начали заниматься институционализацией прав человека, тоже воспринимаются как аналог ранней церкви: в них видят новорожденное, но, хочется надеяться, всемирное сообщество верующих, отстаивающих добро в юдоли слез. Если дело терпит неудачу, то сугубо из-за того, что вокруг слишком много зла; если же оно торжествует, то не в силу случая, а исключительно потому, что это дело — правое. Подобные подходы порождают мифы, которых новое движение жаждет или в которых нуждается.

¹ Используя здесь слова «moral imitation of those who chase the flame», автор, вероятно, отсылает к книге, в которой изложена биография Сержиу Висйра ди Меллу, дипломата ООН, погибшего в результате взрыва в здании специального представительства ООН в Ираке. См.: *Power S. Chasing the Flame: Sergio Vieira de Mello and the Fight to Save the World*. Penguin Press, 2008. — *Примеч. ред.*

Такая мифология вполне соответствует общественному и политическому консенсусу относительно того, откуда взялись права человека. В комментариях журналистов и в речах политиков права человека обычно фигурируют как нечто древнее и самоочевидное. В качестве наиболее значимой вехи историко-экспертное знание указывает на 1940-е годы, ставшие временем решающего прорыва и последующего триумфа. Некоторые наиболее именитые наблюдатели — например, Майкл Игнатъев — считают права человека стародавним идеалом, который наконец-то обрел полную силу, сделавшись реакцией на Холокост. Возможно, это один из наиболее распространенных мифов об их происхождении. В 1990-х годах, когда Юго-Восточная Европа и некоторые другие регионы планеты вступили в полосу этнических чисток, права человека заняли необычайно значимое место в западном публичном дискурсе. В общественном сознании того времени прочно утвердилось представление о том, что с самого момента зарождения идеи прав человека на волне осмысления Холокоста она все глубже и глубже внедрялась в человеческое сознание, обернувшись в конечном счете моральной революцией. Впав в эйфорию, многие верили, что очищающая моральная программа, родившаяся из-за шока, вызванного Холокостом, и практически неоспоримая в своих предпосылках, вот-вот заменит собой выгоду и власть в качестве фундаментальных оснований международной жизни. Однако в этой картине в пренебрежении оставалось то, что без преобразующего воздействия событий, имевших место в 1970-х годах, права человека никогда не смогли бы стать сегодняшней утопией и вокруг них не сконцентрировалось бы целое социальное движение.

Альтернативная история прав человека, хронология которой разворачивается гораздо ближе к современности, выглядит совсем иначе, нежели предполагается в устоявшихся подходах. Вместо того чтобы разыскивать их истоки в греческой

философии и монотеистической религии, европейском естественном праве и революциях раннего Нового времени, ужасе перед американским рабством и гитлеровским убийством евреев, она доказывает, что права человека, как манящий международный идеал и мощное движение, ведут свое происхождение из гораздо более близких к нам времен. Бесспорно, права существовали издавна, но изначально они были порождением государственной власти, а не прорывом за ее пределы. В современной истории их присутствие наиболее ощущалось в революционном национализме — до тех пор, пока концепт «прав человека» не вытеснил сам революционный национализм. Задним числом 1940-е годы изображаются фундаментальной вехой — не в последнюю очередь из-за Всеобщей декларации, которую они породили, — но неплохо было бы задуматься: почему же в то время, да и в последующие десятилетия, дискурс прав человека не смог заинтересовать почти никого, включая и юристов-международников? В реальной истории права человека оставались на периферии в риторике как военного времени, так и послевоенного восстановления: они вовсе не были главным их порождением. Вопреки общепринятому мнению, в послевоенный период Холокост был осознан не слишком широко, и поэтому права человека просто не могли стать реакцией на него. Что еще важнее, в то время не возникло никакого международного движения за права человека. Учитывая все перечисленные обстоятельства, альтернативная история вынуждена считать своим главным вызовом вопрос о том, почему права человека стали определять надежды людей на светлое будущее не в середине 1940-х, а лишь в середине 1970-х, когда они действительно породили целое международное движение и сформировали утопию международного права.

Идеологическое восхождение прав человека в живой памяти было обусловлено специфическим взаимодействием отдельных историй, которые вдруг вступили между собой

в непредвиденную и бурную реакцию. Как нередко бывает в человеческих начинаниях, свою роль здесь сыграла и чистая случайность, хотя более важным оказался крах прежних универсалистских схем и осмысление идеи прав человека в качестве убедительной альтернативы им. У истоков процесса стояла ООН, на площадке которой идея прав человека была впервые представлена; впрочем, сохранить свое первенство в этой области организации не удалось, поскольку концепт не имел для нее фундаментальной значимости. В 1940-х же годах ООН оформлялась как объединение великих держав, которые категорически отказывались порвать с дорогами для них принципами суверенитета и империи. С самого начала своей деятельности она в равной мере была ответственна как за пренебрежение идеями прав человека, так и за акцентирование их обязывающей силы, затрагивающей каждого. Появление же в ходе деколонизации множества новых государств, которое во многих отношениях явилось для ООН глубочайшим потрясением, изменило саму суть восприятия прав человека, но при этом все-таки оставило их на обочине международной политики. Лишь в 1970-х годах вокруг прав вышло полноценное общественное движение, которое почти сразу начало теснить официальные властные институции, в особенности международные.

Безусловно, упомянутая реакция была спровоцирована сразу несколькими катализаторами. Среди них можно упомянуть как минимум поиск европейской идентичности вне рамок холодной войны, знакомство западных политиков, журналистов и интеллектуалов с советскими, а потом и восточноевропейскими диссидентами, либеральный и морализаторский поворот во внешней политике США после вьетнамской катастрофы. Столь же значимыми, но менее заметными, были конец формального колониализма и последующий кризис постколониального государства, отмечаемый западными наблюдателями. Но, следует повторить, наиглавнейшей

причиной, повлекшей за собой возникновение нового общественного движения и становление универсального дискурса прав человека, стал крах утопий-предшественниц, прежде реализуемых как в рамках отдельных государств, так и в международном масштабе. То были системы верований, которые, обещая свободу, на деле вели в кровавую трясиину или же, предлагая избавление от оков империи и капитала, внезапно представляли мрачными трагедиями, а не светлыми надеждами. Именно в такой атмосфере воспряла та разновидность интернационализма, которая поставила во главу угла индивидуальные человеческие права; новой доктрине удалось преуспеть потому, что в ней увидели незапятнанную альтернативу идеологическому предательству и политической несостоятельности. Вот когда фраза «права человека» вошла в широкий англоязычный оборот. И как раз с этого совсем недалекого момента права человека превратились в определяющую характеристику нынешнего дня.

Покончившему с церковной историей вовсе не обязательно сразу же отправляться на черную мессу. Я написал эту книгу, испытывая неподдельный интерес — и даже восхищение — к современному движению за права человека, самому массовому проявлению вдохновенного утопизма на Западе за последние десятилетия. Для нынешних утопистов это, безусловно, отличная точка старта. Важно также и то, что для людей, ощущающих мощнейшую притягательность идеи прав, борьба за нее теперь выглядит делом рук человеческих и проявлением человеческого усилия; будущее утверждение этого идеала они не считают чем-то неизбежным просто в силу его моральной неоспоримости, подсказываемой здравым смыслом. Более четкое понимание того, почему права человека вошли в мир именно в разгар кризиса утопизма, позволяет раскрыть их историческое происхождение и современное положение гораздо подробнее и обстоятельнее, чем это делают

любые другие подходы. Ибо не стоит забывать: за их появление в ту эпоху, когда все прочие, ранее весьма привлекательные утопии умерли, пришлось заплатить очень высокую цену.

Таким образом, раскрытие подлинной истории прав человека имеет колоссальное значение для того, чтобы оценить их перспективы в настоящем и в будущем. А если за ними действительно стоят многие давние ценности, тогда не менее важным оказывается и объективное прояснение того, как и когда права человека кристаллизовались в качестве общепризнанного и могучего набора стимулов, подталкивающих к созданию более совершенного и более гуманного мира. В конце концов, их взнос в преобразование общественно-политического идеализма пока гораздо значительнее, чем вклад в трансформацию самой окружающей нас реальности. В ходе их становления в качестве последней утопии, пришедшей на смену менее удачливым утопическим проектам, были очерчены самые трудные проблемы, которые движению за права человека предстоит решать. Зародившись в качестве альтернативы великим политическим миссиям — или даже как моральная критика политики, — эта идея была вынуждена принять на себя великую политическую задачу: ей надо было попытаться заложить твердый фундамент для всемирного утверждения свободы, самобытности и процветания. Проекту прав человека пришлось медленно, но бесповоротно разделить ту самую максималистскую установку, принятия которой ее защитникам на первых порах хотелось избежать.

Нам придется со всей серьезностью отнестись к этой современной дилемме, причем история, которая только восхваляет великие истоки, не слишком здесь поможет. Лишь немногие вещи, сегодня представляющиеся могущественными и авторитетными, при более пристальном изучении оказываются изначально предопределенными к успеху. Движение, отстаивающее права человека, безусловно не входит в их число. Но одновременно сказанное означает, что права

человека — это не столько наследие, которое необходимо беречь, сколько изобретение, которое нужно неустанно обновлять, а возможно, и преодолевать. Только так их программа сумеет стать жизненной и актуальной для мира, успевшего измениться со времени их недавнего появления на свет. Никто пока не знает наверняка, с учетом того воодушевления, которое они вселяют в людей, и тех проблем, с которыми они сталкиваются, каким будет более совершенный мир, возникающий по мере утверждения прав человека. И никто также не знает, не ждет ли нас в будущем — в случае их фиаско — еще одна утопия, которая появится, подобно идее прав человека, на руинах предшествующих идеологий. Права человека родились как последняя утопия, но однажды им на смену может прийти какая-то другая.